

2. Первая пятилетка: Индустриализация. Культурная и социальная революция

XVI партийная конференция (апрель 1929 г.), а затем V съезд Советов СССР (май 1929 г.) утвердили после неоднократных пересмотров в сторону повышения задач «оптимальный вариант» первого пятилетнего плана. Этот план, критикуемый «правыми», которые считали его выполнение нереальным, предусматривал рост промышленной продукции на 136%, производительности труда на 110%, снижение себестоимости промышленной продукции на 35%. Великие стройки, начатые в 1927—1928 гг.— прежде всего Днепрогэс и Турксиб, — должны были быть завершены к 1930 г. Планировалось строительство более чем 1200 заводов (по словам одного из делегатов V съезда Советов, при утверждении этих планов создавалось впечатление, что Рыков сидит на огромном сундуке с деньгами и раздает заводы всем, кто пожелает). По плану приоритет отдавался тяжелой промышленности, которая получала 78% всех капиталовложений. Их объем должен был возрасти с 8,4 до 16,2% валового национального продукта. В начале 1930 г. плановые показатели были еще раз пересмотрены и увеличены: теперь уже речь шла о добыче к концу пятилетки от 120 до 150 млн. т угля (вместо 75 млн. т, предусмотренных изначально), о выплавке 17—20 млн. т чугуна (вместо 10 млн. т), о добыче 45 млн. т нефти (вместо 22 млн. т), о производстве 450 тыс. тракторов (вместо 55 тыс.), о строительстве более 2 тыс. новых заводов.

Газеты в январе — феврале создавали миф о безденежной социалистической экономике, в которой непосредственный обмен между производителями заменит торговлю. Наступало время колхозов-гигантов и трудовых коммун на промышленных предприятиях, доходы которых должны были распределяться поровну между работниками.

XVI съезд партии (июнь — июль 1930 г.) одобрил действия сторонников ускорения темпов социалистического строительства (пятилетку в четыре года!). На этом съезде Куйбышев заявил, что необходимо каждый год удваивать объем капиталовложений и увеличивать производство продукции на 30%! «Темпы решают все!» Планы превращались в своего рода «вызовы», которые передовые предприятия должны были принимать, выдвигая встречный план, осуществляемый через социалистическое соревнование между бригадами ударников.

Новые увеличенные планы не соответствовали реальным возможностям производства, а способствовали его дезорганизации. Строительство сотен объектов было начато и не завершено из-за нехватки сырья, топлива, оборудования, рабочей силы. К концу 1930 г. 40% капиталовложений в промышленность были заморожены в незавершенных проектах. Они парализовали огромное количество материальных ресурсов, недостаток в которых ощущался в других областях экономики. Невыполнение планов обусловило цепную реакцию развала экономики: один невыполненный проект служил препятствием в выполнении другого и т.д. В целях преодоления нехватки ма-

териальных ресурсов (впрочем, относительной, поскольку она существовала лишь по отношению к заведомо невыполнимым показателям первого пятилетнего плана) снабжение предприятий постепенно полностью переходило в руки административных структур. Они пытались обеспечить централизованное распределение основных ресурсов и рабочей силы, необходимых в промышленности, исходя из ими же определяемой важности того или иного предприятия. Деятельность предприятий оказалась, таким образом, в сильной зависимости от очередности получения ассигнований, порядок которой определялся значением предприятия. Система приоритетов в распределении сырья, оборудования, рабочей силы распространялась прежде всего на несколько ударных объектов, которые ставились в пример всей стране (металлургические комбинаты в Кузнецке и Магнитогорске, тракторные заводы в Харькове и Челябинске, автомобильные заводы в Москве и Нижнем Новгороде). Нехватка ресурсов все возрастала, и соответственно росло число приоритетных предприятий. Очень скоро система приоритетов привела к конфликтам между предприятиями, что вызвало необходимость введения системы чрезвычайной очередности. Так административный способ (сначала только распределения ресурсов) со временем подменил собой планирование, и ему суждено было на долгие годы стать одной из важнейших особенностей советской экономики.

Система приоритетов была результатом импровизации. Она, правда, позволила избежать полного паралича, которым грозила резко увеличившаяся нехватка ресурсов в наиболее важных отраслях производства. Но в деятельности предприятий, не вошедших в число «первостепенных», она только усилила анархию. Эта система представляла собой полумеру, которая позволила ненадолго отсрочить проявление негативных последствий тех противоречий, которые существовали между плановыми показателями и реальной возможностью их выполнения. Эти противоречия неизбежно вели к значительному усилению давления как на экономические, политические, культурные структуры, так и на отдельного человека. Не случайно усилия, направленные на осуществление индустриализации, преподносились как настоящая революция. Внутри страны это была «культурная революция», «война классов» («...наши классовые враги существуют, И не только существуют, но растут, пытаются выступить против Советской власти», — утверждал Сталин в мае 1928 г.) и борьба за выживание социализма в международном масштабе («Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», — говорил Сталин в феврале 1931 г.).

Все направленные на осуществление индустриализации усилия предпринимались в рамках двух взаимосвязанных тенденций: с одной стороны, осуществлялась нейтрализация и ликвидация старых кадров и специалистов, не вступивших в партию и скептически настроенных по отношению к «великому перелому»; с другой стороны, предпринимались усилия по выдвижению «новой технической интеллигенции», поддерживавшей радикальные перемены, вызванные индустриализацией, т.к. она получала от них наибольшую выгоду.

Заявление апрельского (1928 г.) пленума ЦК о раскрытии на шахтах Донбасса организованного «буржуазными специалистами» саботажа знаменовало собой конец начавшегося в 1921 г. периода привлечения на сторону советской власти опытных специалистов — выходцев из старой интеллигенции. В постановлении содержался, с одной стороны, призыв к усилению бдительности по отношению к специалистам, а с другой — призыв к массовому выдвижению на ответственные посты рабочих. В 1928 г. огромное большинство кадровых работников на предприятиях и в государственных учреждениях все еще состояло из представителей дореволюционной интеллигенции. И лишь ничтожно малая часть из них (2%) были членами партии. Смысл Шахтинского дела, организованного как раз накануне принятия пятилетнего плана, становился совершенно ясным: скептицизм и безразличие по отношению к великому делу, принятому партией, неизбежно ведут к саботажу. Сомнение уже означало предательство. В 1928 — 1931 гг. была развернута широкая кампания против «буржуазных специалистов». На протяжении 1928 — 1929 гг. тысячи сотрудников Госплана, ВСНХ, Народного комиссариата земледелия, ЦСУ, Народного комиссариата финансов были изгнаны под предлогом правого уклона (чересчур мягкое налогообложение кулаков и нэпманов) или принадлежности к чуждому классу (оказалось, что 80%

высшего руководства из финансовых органов служили еще при старой власти). Общее число взятых под контроль служащих за четыре года составило 1256 тыс. человек. 138 тыс. из них (11%) были отстранены от выполнения служебных обязанностей (23 тыс. из числа отстраненных были причислены к «первой категории» — «враги советской власти») и лишены гражданских прав. Зимой 1932/33 г. новая чистка отстранила от службы еще около 153 тыс. служащих.

Введение нового законодательства на предприятиях положило конец разделению власти между «красным» генеральным директором (обязательно членом партии, но, как правило, неквалифицированным: в 1929 г. 89% «красных» директоров имели только начальное образование) и техническим директором («буржуазным специалистом»). Управленческий треугольник, состоявший из секретаря парткома, «красного» директора и председателя профкома, упразднился. Отныне вся власть на предприятии принадлежала исключительно генеральному директору.

Мания саботажа, возникавшая всякий раз, когда происходил несчастный случай или не выполнялся план, делала положение кадровых работников и «буржуазных специалистов» весьма неустойчивым. Только на предприятиях Донбасса в 1930 — 1931 гг. половина кадровых работников была уволена или арестована. На транспорте в течение первых шести месяцев 1931 г. было «разоблачено» 4500 «саботажников». Состоялись многочисленные судебные процессы. Одни проходили за закрытыми дверями (процессы над специалистами ВСНХ, над членами Крестьянской трудовой партии). Другие были открытыми (процесс над Промпартией, в ходе которого восемь обвиняемых «сознались» в создании крупной подпольной организации, состоящей из 2 тыс. специалистов, ставящей своей целью вести по наущению иностранных посольств подрывную деятельность в экономике). Эти процессы закрепляли миф о саботаже и выполняли тройную функцию. Во-первых, был найден «козел отпущения». Во-вторых, заставляли молчать кадровых работников, не поддерживавших политику ускоренной индустриализации. И в-третьих, они ставили в пример другим бдительность и эффективность новых пролетарских кадров.

Одновременно с ведением борьбы против старых кадров правительство развернуло летом 1928 г. широкую кампанию по выдвижению на ответственные посты рабочих-коммунистов и формированию в кратчайшие сроки новой, «красной» технической интеллигенции, хорошо подготовленной и пролетарской по духу. Она была направлена на создание у некоторой части рабочего класса, и прежде всего у самых молодых его представителей, разочарованных новой экономической политикой, не уничтожившей безработицу и не открывшей достаточно широких возможностей для роста, ощущения, что страна наконец вступила в новую эру и простому трудящемуся открыты все дороги. Несколько цифровых данных говорят о размахе этой выдвиженческой кампании, ставившей одной из своих целей популяризацию политики ускоренной индустриализации. Между 1928 и 1932 гг. число мест на рабфаках увеличилось с 50 тыс. до 285 тыс. Более 140 тыс. рабочих «от станка» были выдвинуты на руководящие технические и управленческие посты. К концу первой пятилетки «практики» составили 50% руководящих кадров в промышленности. Около 660 тыс. рабочих-коммунистов (т.е. большая их часть) покинули цеха и превратились в служащих и управленцев или ушли на учебу. В начале 1932 г. около 233 тыс. бывших рабочих проходили стажировку или какой-либо курс обучения, что должно было позволить им впоследствии быстро продвинуться по служебной лестнице. Общее число рабочих, выдвинутых таким способом во время первой пятилетки, достигло по меньшей мере 1 млн. человек. Студенты и учащиеся технических училищ — несколько десятков тысяч молодых коммунистов — составляли основной контингент выдвиженцев. Они представляли собой будущую «народную интеллигенцию», пришедшую впоследствии, в 1936 — 1937 гг., на смену уничтоженным во время чисток бывшим «буржуазным специалистам» и представителям «старой гвардии большевиков», которые всего лишь на 15 лет были старше их.

Политика выдвижения новых кадров приводила к коренному изменению состава рабочего класса и его социального поведения. Он менял свое классовое лицо. Заводы потеряли наиболее опытных рабочих, которые могли бы помочь миллионам новичков получить надлежащую профессиональную подготовку. За первую пятилетку количество рабочих в промышленности и в строительстве увеличилось с 3,7 млн. до 8,5 млн.

человек. Безработица среди рабочих была ликвидирована в течение двух лет. Значительная часть новых рабочих представляла собой вчерашних крестьян, уклоняющихся от коллективизации. В 1930 г. в городах обосновалось 3 млн. крестьян. В 1931 г. их было уже более 4 млн. В том же году еще 7 млн. крестьян «поглотили» сезонные стройки. Предприятия, по словам Орджоникидзе, часто напоминали гигантские таборы кочевников. Не имея ни корней, ни квалификации, часто находясь на нелегальном положении (уходили из колхозов без разрешения), новые пролетарии в поисках лучших условий труда, более высокого заработка и лучшего питания без конца меняли работу. Заводские цеха заполнялись неграмотными рабочими. Их предстояло научить пользоваться техникой, приучить к необычной для них организации труда, обучить грамоте, привить им уважение к властям, изменить их понятие о времени и приучить пользоваться хотя бы самыми простыми атрибутами городской жизни. Все это вело к огромному социальному травматизму, расшатывало монолитность рабочего класса и вызывало сильное напряжение между властями и субпролетариатом, пришедшим из презираемой и обреченной на исчезновение среды (доколхозной деревни).

Болезненный процесс адаптации новых пролетариев влек за собой целый ряд негативных явлений. Участились неявки на работу, усилилась текучка кадров, увеличилось количество случаев хулиганства и поломок техники, выпуска бракованной продукции, резко выросли производственный травматизм, алкоголизм и преступность. Эти явления в не меньшей степени, чем завышенные планы и перебои в снабжении, усугубляли дезорганизацию промышленного производства в годы первой пятилетки. Три года пролетаризации, культурной революции и в конечном счете социалистической утопии, отмеченных наступлением на старые кадры, ускоренным продвижением на ответственные посты рабочих-коммунистов, наплывом миллионов новых пролетариев, вынудили руководство партии признать, что такая политика вела к социальной нестабильности, чреватой разрушительными последствиями для экономики. Подрыв авторитета кадров означал подрыв авторитета и дисциплины на производстве. Слишком поспешное продвижение по служебной лестнице большого количества рабочих приводило, с одной стороны, к возникновению кризиса пролетарского самосознания в среде рабочего класса, а с другой — к формированию плохо подготовленных кадровых работников. Применение уравнительного принципа в оплате труда означало скатывание в «мелкобуржуазную уравниловку», не слишком благоприятную для идеи социалистического соревнования.

23 июня 1931 г. Сталин выдвинул свои знаменитые «шесть условий», которые фактически положили конец форсированному осуществлению культурной революции. Он приостановил продвижение рабочих, осудил уравниловку, «спецежество» и призвал к большей заботе о специалистах старой школы, окончательно вступивших в союз с рабочим классом. Несколько недель спустя 40 тыс. недавно выдвинутых на руководящие посты рабочих были вновь отправлены на производство. Была отменена большая часть стипендий, а также предоставляемые за счет предприятий ежедневные два часа для рабочих-учащихся. Были пересмотрены размеры заработной платы и отменены дискриминационные меры по отношению к старым кадрам, выражавшиеся прежде всего в ограничении доступа их детей к высшему образованию. В соответствии с законом, изданным в июле 1931 г., объем социальных благ был поставлен в прямую зависимость от непрерывности стажа на предприятии. В сентябре 1932 г. были введены обязательные внутренние паспорта, подлежащие предъявлению рабочими на предприятиях. В них отмечались все прежние места работы. В целях уменьшения текучести рабочей силы была введена система прописки (действующая и поныне). Неявка на работу сурово каралась по закону от 15 ноября 1932 г., предусматривавшему немедленное увольнение, лишение продовольственных карточек и выселение с занимаемой жилплощади.

Мероприятия, направленные на увеличение производительности труда (снизившейся в 1928 — 1930 гг. на 28%), не ограничивались этими мерами. Значительно расширились полномочия директоров предприятий. Была введена новая система оплаты труда — сдельная, размеры которой зависели от выработки и от темпов труда. По Марксу, эта система оплаты представляла собой самую примитивную форму капиталистической эксплуатации.

Все эти вышеназванные меры открывали новый период — период «восстановления порядка». Они знаменовали собой переход к политике защиты в социальной сфере (названной социологом Н.Тимашевым «великим отступлением»). Целью новой политики была стабилизация и консолидация разбитого социального организма, превратившегося, по определению Моше Левина, в «общество зыбучих песков». Ее осуществление должно было происходить путем внедрения в общество таких социальных ценностей, как дисциплина, власть, законопослушание, патриотизм.

В начале 1933 г. было заявлено, что пятилетний план выполнен за 4 года и 3 месяца после его утверждения. Подводя итоги, Сталин лукаво оперировал цифрами первоначального варианта плана, принятого в апреле — мае 1929 г., а не утвержденного несколько позже (в 1930 г.) гораздо более смелого варианта. Специалисты до сих пор по-разному оценивают итоги первой пятилетки. У разных исследователей показатель ежегодного прироста продукции колеблется от 10,5 до 21%, в зависимости от того, исчисляется ли он по объему или по стоимости (в последнем случае важно также установить, о каких ценах идет речь: об оптовых или розничных). Однако, не вдаваясь глубоко в полемику по поводу цифр, можно сказать, что сегодня большинство как западных, так и советских ученых сходятся в оценках по следующим пунктам:

— Рост производства оборудования, полуфабрикатов тяжелой промышленности, добычи сырья и производства электроэнергии был весьма значительным, но не достигал показателей, запланированных в 1929 г. (уголь — 64 млн. т вместо 75; чугун — 6,2 млн. т вместо 10 млн. т по плану 1929 г. или 17 млн. т по плану 1930 г.; электроэнергия — 14 млрд. кВт-ч вместо 20).

— Производству товаров легкой промышленности и народного потребления не уделялось должного внимания (план был выполнен приблизительно на 70%).

— Были произведены огромные капиталовложения в промышленность (объем капиталовложений в промышленность по отношению к валовому национальному продукту за пять лет увеличился в 3,5 раза). Правда, в ущерб уровню жизни народа.

— Необходимость капиталовложений в социальную и культурную сферы постоянно игнорировалась.

— Индустриализация проводилась экстенсивными методами, с огромными издержками. Она сопровождалась высокой инфляцией (увеличение денежной массы на 180% за пять лет, рост на 250 — 300% розничных цен на промышленные товары), приведшей к снижению примерно на 40% покупательной способности рабочих.

— Производительность труда, которая по плану должна была увеличиться на 110%, осталась на прежнем уровне и (по данным Р.В.Дейвиса и С.Г.Виткрофта) снизилась на 8%, что само по себе уже говорит о том, как велики были трудности первой пятилетки и какое сопротивление встречали проекты ускоренного развития.

Беспорядочная, «вахханальная» (по выражению Н.Ясного) индустриализация, подчиняющаяся бесконечным импровизациям («переломы» апреля — мая 1929 г., января — февраля 1930 г., июня 1931 г.), погрузила страну в перманентное состояние всеобщей, как на войне, мобилизации и напряжения, потому что планы, как правило, были невыполнимыми. Она усиливала степень экономического хаоса и общественного беспорядка. Она вызывала все большую необходимость политического руководства экономической сферой. Административно-командная система (используя современную советскую терминологию) заменяла собой законы рыночной экономики. Черты, присущие этой системе, способ ее функционирования и система экономических приоритетов, утвердившиеся в ходе первой пятилетки и подчиненные постулату построения социализма в одной, отдельно взятой стране, дают о себе знать до сих пор.